Ветер задувал прямо в рот, от раскаленной жаровни поднимался черный дым, и при вдохе в легких отдавалось жгучаая боль.

Летящие клочки бумаги, подхваченные холодным порывом, взмывали в воздух и оседали пеплом на волосах молодого человека.

Он не уворачивался, стоял прямо навстречу ветру, повернувшись к Цзи Вэйи своим круглым затылком.

Цзи Вэйи снова задал тот самый вопрос, на который не смог получить ответ утром у озера:

— Как тебя зовут?

Молодой человек повернул голову:

— Мм?

Он повторил:

— Имя, как твое имя?

Собеседник, когда кто-то говорил, всегда поворачивался ухом с надетым слуховым аппаратом и внимательно следил за губами говорящего.

У Цзи Вэйи пока не было возможности понять, каким именно образом тот воспринимает информацию, поэтому он лишь постарался пододвинуться как можно ближе.

Тогда он увидел, как шевелятся губы юноши, выдыхая струйки белого пара.

— Чжан Юань.

Цзи Вэйи немного отступил:

— Мм?

Как раз в этот момент в выступлении труппы бродячих артистов наступила кульминация, сопровождаемая звонким, полным сил криком.

Из-за общего шума он расслышал лишь смутное слово «Чжан».

Лишь легкий поток воздуха, выдохнутый собеседником во время разговора, коснулся щеки, словно змеиный язычок, оставляя прохладное щекочущее ощущение.

Он вытащил правую руку, свернувшуюся клубочком в кармане пуховика, и потерся о нее щекой.

Внезапно его ладонь неожиданно перехватили, свели четыре пальца вместе и раскрыли.

Он испуганно вздрогнул, инстинктивно пытаясь выдернуть руку.

Мозолистый указательный палец юноши уже опустился на его ладонь, выводя черту.

Сначала горизонтальную, потом с изломом: начиная с сильного нажима и заканчивая легким отрывом, оставляя слабый белый след на мягкой плоти ладони.

— Чжан, — закончив писать иероглиф, он поднял голову и повторил Цзи Вэйи: — Чжан.

Затем опустил голову и принялся выводить второй знак.

Длинная вертикальная черта пересекла ладонь.

Цзи Вэйи невольно поднял голову, следуя за движением его пальцев, которые вновь сжались, и произнес вслух:

— Чжан Юань.

Окончание фразы прокатилось по кончику языка, верхняя губа легко коснулась нижней.

«Чжан» из лука и длинной палки, «Юань» — бездна.

У молодого человека были черные, как бездна, глаза.

Это имя ему очень подходило.

Цзи Вэйи улыбнулся ему:

— Чжан Юань, я запомнил.

Находясь так близко, он в очередной раз мысленно восхитился тем, как хорош собой этот

человек.

Именно из тех, чье лицо достойно похвал даже по меркам шоу-бизнеса.

Достаточно яркие глаза, выразительные надбровные дуги, высокая переносица — в тусклом сиянии огня это великолепное соотношение черт лица придавало его выражению природную, легкую меланхолию.

Лицо из легендарных драматических фильмов на большом экране.

Уставившись на лицо Чжана Юаня, Цзи Вэйи отвлекся.

То, что он намеренно хотел задеть Фэн Чэнъе, было правдой, но предложить деньги — вовсе не ложь.

Сложность отношений между ним и Фэн Фанем на самом деле намного превосходила то, что знали посторонние: поистине их клубок было не распутать, а все хитросплетения не разорвать, иначе они бы не прерывали связь столько лет.

Но когда человек умирает, все превращается в ничто, а любовь и ненависть, обиды и страсти утекают вместе с водой.

Не успев застать его в последний момент, он все же испытывал некоторый осадок из-за невыполненного сыновнего долга, просто не желая позволять этому никчемному растратчику Фэн Чэнъе наживаться на всем.

И хотя он совсем не знал Чжана Юаня, один лишь факт того, что тот ловил рыбу ради подношений Фэн Фаню, волей-неволей вызывал у Цзи Вэйи толику близости, свойственной своим людям.

Сто тысяч юаней объективно не были маленькой суммой, но для него это, напротив, оказывалось самым ленивым решением.

Откупиться деньгами — просто и прямо.

Вот только Чжан Юань отказался так решительно, что настаивать было неудобно.

Помимо денег, существовали, пожалуй, и другие способы.

Вот только для этого пришлось бы напрячь мозги.

Например… как найти Чжану Юаню работу получше?

То ли из-за дыма и жара в голове шумело, но мысли его слегка уплыли, и в сознании вдруг возник образ некоего известного артхаусного режиссера, жестикулирующего перед ним:

— Ну вот в степи, бац — присел. Здесь у ноги, хлоп — напрягся. А потом смотришь в камеру, вот так — и слуховой аппарат слетает, и висит на шее…

У Чэн Цю был феноменальный талант: даже вне съемок его голова была забита раскадровками, а когда он говорил…

Это выглядело несколько абстрактно.

В тот день они случайно встретились и заговорили об этом между делом; Цзи Вэйи тогда мучился от голода, внимание его рассеялось, и ему было лень ломать голову над тем, что именно означают эти бац, хлоп и вот так, поэтому он завел речь лишь о бюджете.

Если ты хочешь искать непрофессиональных актеров без системной актерской подготовки, я могу понять твое стремление к художественной ценности. Но ты же должен понимать, что даже молодые студенты киноакадемии без реального опыта обычно тратят на съемки очень много времени, не говоря уже о людях с ограниченными возможностями.

Он уже забыл, как именно Чэн Цю тогда объяснялся с ним, но во всяком случае тот не был легко убежден и заявил лишь, что если удастся найти подходящую кандидатуру, он еще подумает, стоит ли вкладывать деньги.

Вскоре после этого раздался звонок от Фэн Чэнъе, и он, запутавшись во всем, как в клубок нитей, сел за руль и отправился в путь, давно выбросив это из головы.

И вот теперь, глядя на Чжана Юаня, погибшие воспоминания внезапно ожили.

Интересно, нашел ли Чэн Цю кого-нибудь…

Цзи Вэйи вдруг стало немного забавно: в такой момент он все еще был способен отвлекаться на раздумья о работе, — если бы дух Фэн Фаня был на небесах, он бы наверняка пожалел, что воспитывал его несколько лет.

Конечно, у Фэн Фаня было немало поводов для сожалений, и по сравнению с этим данная мелочь казалась пустяком.

Он вздохнул, и только придя в себя, заметил, что Чжан Юань по-прежнему крепко сжимает его руку.

Чжан Юань вглядывался в его лицо, задумчиво хмурясь:

— Ты…

У Цзи Вэйи вспотела ладонь, и он с некоторым смущением попытался вытянуть руку назад.

Чжан Юань разжал пальцы и внезапно приложил ладонь к его шее.

Холод заставил Цзи Вэйи вздрогнуть, и он шлепнул того по тыльной стороне ладони.

Удар вышел тяжелым, раздался звонкий шлепок.

Чжан Юань не убрал руку:

— Очень горячо.

— Твое тело очень горячее.

Только теперь Цзи Вэйи понял, чем была вызвана головокружение.

У него жар.

Огонь перед погребальным ложем Фэн Фаня разгорался все сильнее, грозя перекинуться на самого Цзи Вэйи.

Погода по-прежнему стояла холодная, открытая кожа болезненно замерзала от мороза, но жар от горящей жаровни грозил выпарить всю влагу изнутри.

Это ощущение одновременно холода и жара казалось смутно знакомым.

В полубреду ему казалось, будто он забился на кавказском канте в деревенском доме в Хуачэне.

Подобные глиняные каны в прошлом были практически незаменимой вещью для выживания в долгие зимы Хуачэна, они имелись в каждом доме.

Основание кана в спальне соединялось с топкой большой кухонной печи, и как раз получалось отапливать лежанку за счет приготовления еды.

Недостаток заключался в том, что пока в печи горели дрова, лежать на кане было просто невыносимо жарко, но стоило огню погаснуть, как постель мгновенно остывала под зимним ледяным ветром.

Хотя Цзи Вэйи прожил в Хуачэне пять лет, обычно он жил с Фэн Фанем в городе.

Фэн Фань возвращался в родную деревню только на Новый год, как раз тогда, когда и Цзи Вэйи приезжал домой на каникулы.

Зимы в Хуачэне были слишком суровыми, и даже в городе родители жалели его и не давали мерзнуть, а иногда даже специально возили зимовать на юг.

Лишь в десятилетнем возрасте семье Цзи по ряду причин пришлось встречать Праздник Весны за границей, но они не осмеливались брать его с собой в столь утомительное путешествие на самолете длиною в дюжину часов.

Тогда-то ему и представилась возможность поехать с Фэн Фанем в деревню — единственный раз за всю его жизнь до настоящего момента, когда он провел зиму в сельской местности Хуачэна.

Хотя спать на глиняном кане оказалось не так приятно, как представлялось, сама деревня казалась ему невероятно новой и интересной.

Во дворе держали кур, а еще огромных гусей, размером почти с него самого, от которых ему было одновременно страшно и любопытно.

В остальном же за прошедшие годы он почти ничего не помнил.

Возможно, из-за того, что после стольких лет он снова оказался в тех же местах, прошлое прорвалось в сновидение.

Цзи Вэйи в полузабытьи чувствовал, будто приник к окну и смотрит наружу.

За окном валил густой снег, всё вокруг было белым-бело.

Девятый день первого лунного месяца, государственные праздники Нового года уже закончились, и в деревне стало совсем безлюдно.

Простудившись во время новогодней ночи у очага, он уже больше недели кашлял, и ему запрещали выходить на улицу, поэтому он целыми днями прятался на кане, закутавшись в ватное одеяло.

Огонь в топке не угасал, было очень тепло.

Когда вошел Фэн Фань, на его голове лежал снег, и его волосы казались седыми от черно-белой смеси.

Лицо в этом сне расплывалось, но Цзи Вэйи отчетливо помнил его очень строгое выражение.

Тот склонил голову, глядя на него, а принесенный с собой холод превратился в капли воды, которые падали на пол и быстро исчезали.

Фэн Фань спросил его:

— Соскучился по дому?

На самом деле родители обещали забрать его ровно через три дня, но после нескольких дней заточения в доме, когда вокруг столько всего привлекательного, Цзи Вэйи еще не успел наиграться.

Пока он, колеблясь, молчал, Фэн Фань велел ему сменить одежду, завернул в одеяло, взял на руки и вынес на улицу.

Оглушающая снежная буря ворвалась в нос и рот Цзи Вэйи, он зашелся кашлем, в легких защипало, словно от разрыва.

Фэн Фань прижимал его к себе, не обращая ни на что внимания, и бросился в метель.

В доме было душно, но стоило только выйти наружу, как от холода ему захотелось вернуться назад, и он изо всех сил попытался выпростать руку из одеяла.

Фэн Фань освободил одну руку, перехватил его пальцы и засунул обратно в укрытие.

Цзи Вэйи хриплым голосом окликнул:

— Дядя Фэн!

Тот опустил на него взгляд, не прекращая шага.

Но что-то теплое упало ему на лицо и тут же застыло на морозе в десяток градусов ниже нуля, так что щеки обожгло холодом.

Куда они направлялись?

В тумане Цзи Вэйи казалось, что он вот-вот вспомнит этот ответ.

В мгновение ока человек, державший его за руку, снова превратился в Чжана Юаня.

Пальцы с коротко остриженными ногтями выводили иероглифы на его ладони, черта за чертой, причем иероглиф «Юань» тянулся длинным хвостом.

Его ладонь зачесалась.

Цзи Вэйи открыл глаза, и кто-то приподнял его за голову, помогая сесть в приступе жестокого кашля.

Преодолевая головокружение и тошноту от смены положения тела, он осознал две вещи.

Боль в легких была реальной, и рука Чжана Юаня, державшая его… тоже была настоящей.

Он выдернул свою руку из пальцев Чжана Юаня и резко прикрыл рот, сделав пару сухих позывов.

Сначала Чжан Юань растерянно смотрел на него, но, протупив несколько секунд, протянул Цзи Вэйи ночной горшок в пластиковом пакете.

— Не нужно… — Цзи Вэйи махнул рукой, убедившись, что желудок пуст, а тошнота, скорее всего, была лишь спазмом в горле от лекарств или кашля.

http://bllate.org/book/37726/4716293